

ИСТОРИЯ ЛИДИИ КАЛЬМ

Кальм Лидия Алексеевна

**Что значит воевать
со справедливыми, сильными духом**

*«Мы любим жизнь, а вам дано право
спасать сотни жизней — это счастье»
(из солдатского письма)*

Эту историю о своей семье мне рассказала дочь военного врача Лидии Алексеевны Кальм — Римма. Прекрасная память сохранила все эпизоды военного времени. Воспоминания вернули её в далёкое прошлое.

Моя мама, Лидия Алексеевна Кальм, родилась 21 марта 1906 года в большой семье, где было ю человек детей. Её прадед, Вольфганг Фридрихович Кальм, немец, родом из Тарту, был приглашен царем на работу на должность механика на Николаевскую железную дорогу. Женился на русской женщине, принял православие и стал Василием Федоровичем. Его сын продолжил дело своего отца. На 300-летие дома Романовых семья получила памятную медаль.

До войны мама закончила Ленинградский медицинский техникум, работала в Сутоках в Боровичском районе, пришлось налаживать работу родильных пунктов. Рожали в хлевах, в грязи, дома. Родные бежали в церковь и чтобы женщина разродилась, священник Орлов открывал царские врата, но говорил: «Бегите к акушеру». С

1929 года по 1936 год училась во 2-м Ленинградском Медицинском Институте. Получила высшее образование и вернулась в Боровичи, а в сентябре 1939 года была призвана на финскую войну, служила в 32-м запасном стрелковом полку. Командовал полком кадровый офицер Пётр Васильевич Муханов. Задача заключалась в подготовке к боевым действиям, приближенным к военной обстановке в разной местности — в болотах, горах. Санитарная часть следовала за войсками в полном медицинском снаряжении. Учились разворачивать полевые госпитали. Днём была подготовка, вечером — художественная самодеятельность.

22 июня 1941 года мама сидела у окна, вышивала, рядом лежала огромная собака Дик — помесь овчарки с волком. Неожиданно приехал дядя, и по его лицу она всё поняла, побелела, вышивание выпало из рук. 27 июня была призвана военкоматом и направлена в госпиталь на должность старшего ординатора, а в феврале 1942 года хирургом в госпиталь №2755. В ноябре госпиталь эвакуировали в Пестово. Ехали по железной дороге. С нами ехала сестра Людмила 9-ти лет и бабушка. Я сидела у окна, сзади стояла высокая женщина, которую тоже звали Риммой. Я увидела самолёт, летевший прямо на нас.

Медсестра швырнула меня на пол, а пуля попала ей прямо в лоб. Она упала на меня. Летчики стреляли. Сестра схватилась за голову, осколки попали под кожу. Ей позже на станции срезали кожу, доставали осколки. К вечеру самолёт появился снова, он летел на бреющем полёте, расстреливал вагоны, бросал зажигательные бомбы.

Люди прыгали в глубокий снег, детей сажали под ёлки. Я застряла в снегу. Раненых выносили на носилках, вагоны горели, огонь гудел, когда попадал кислород. Люди кричали. Мимо пробежал парторг, пуля попала ему в голову, упал лицом в ручей, потекли мозги. После этого я стала заикаться. В Пестово были недолго. Зимой этого же года вернулись в Боровичи, мама стала работать в госпитале. Эвакогоспиталь находился на площади 1 Мая, я ходила туда как на службу. Мне было 5 лет. Один раненый научил меня читать. Я носила с собой книжку «Оленькина зима», читала раненым. Был такой богатырь Юрьев — на кровати не помещался. Он передразнивал меня, называл Оленькой, а маме говорил: «Мы Вашу дочку перекрестили». Однажды вечером я услышала слово «Трибунал». Мама была очень взволнована и рассказывала бабушке о том, что случилось в госпитале: «Одному кавказцу почти оторвало ухо. Начальник госпиталя приказал ампутировать ему ухо, а раненый взмолился, обратился к маме со словами: «Ну какой же я буду парень без уха?! Уж лучше без ноги!» Мама прооперировала и пришила ему ухо. На

обходе начальник госпиталя узнал об этом и угрозил маме трибуналом, но увидев, что раненые поднялись с кроватей, сказал, что пошутил.

Под окнами палат на клумбе мама выращивала цветы бессмертники. Однажды я увидела как какая-то девчонка рвёт цветы и

подралась с ней. С разбитым носом и рёвом я пришла к маме в госпиталь, но она мне сказала: «Хватит реветь, посмотри как люди терпят». Раненые между собой переговаривались: «Дочку капитана побили». Подошёл один из них Иван Григорьевич Сванидзе. Спросил разрешения меня проводить, сказал маме: «Вдруг опять встретит ту девчонку». Дело было к ночи. Мама сказала: «Только не несите, вам нельзя». Как только вышли из барака, он посадил меня на спину. Встречные отдавали ему честь, а я отвечала. Он сказал: «Тебе нельзя».

Иван Сванидзе

В 1943 году перед Новым годом я с ребятами пошла в лес за ёлками для раненых. В КПП всех задержали. Дети в слёзы. Ёлки отобрали, всех отпустили, а меня оставили, спросили, кто родители? Я сказала: «Папа на фронте, а мама капитан». Ёлку не отдали. Заплаканная, пришла в госпиталь. Сванидзе спросил: «Что случилось?» Рассказала. Ничего не говоря, он ушёл, принёс ёлку, установил.

Я с бабушкой часто ходила на площадь слушать по репродуктору военные сводки. Сванидзе понял, что у нас нет радио. Вскоре принёс пакет. Я спросила: «Что это у тебя?» Он ответил: «Увидишь, принёс для мамы и бабушки подарок от раненых». Из картона и ватмана был сделан репродуктор. Сванидзе полез на столб, провёл радио в дом. Однажды пришёл в полушубке и сказал: «Я на фронт». Я вцепилась в него: «Сванидзе не уходи! Тебя убьют!» Он ответил: «Риммочка, если я не пойду, вас всех убьют. Я должен идти». Вернулся, а богатыря Юрьева убили.

Раненые оставляли маме адреса, писали ей с фронта. Она хоть и была суровая, но добрая. Освободили Новгород. Мама поехала туда. Санитарная часть стояла в Григорово. Город был разбомблён почти полностью. Стояло много немецких танков. В госпитале был

Вчера ходила по линии километров за
6. Видела район боев - много где нашими
войсками была прорвана немецкая дорожка.
Весь участок изрыт танками. Много немецких
трупов - в лесу, в болотах, по окраинам доро-
ги. Наши единицы. Местность за линией рас-
положения такая - сплошное болото, воды
воды - разлилось как огромное озеро, а в заб-
ере есть лес, кустарник. Когда спадет вода
можно быть не так мрачной будет природа,
получила письмо от Сванидзе, после долгого
его молчания. Пишет, преследуют немцев, все
там и особенно "Риммочке". Он конечно

такой человек Ерохин. Увидел, что по Волхову плывёт чемодан. Человек был запасливый, достал, а там была взрывчатка. Погиб. Мама писала письма: «Вчера ходила за 6 километров, видела район боёв, земля вся изрыта танками. Много немецких трупов в лесу, в болотах, по окраинам дороги. Местность — сплошное болото, воды разлилось как огромное озеро. Получила письмо от Сванидзе. Пишет Риммочке. Он пишет, что преследуют немцев, а где, не пишет. Им запрещают писать, что несли потери».

В Ленинграде жила родная сестра мамы тётя Аня. Она работала на заводе имени Красина, от эвакуации отказалась. От неё пришло одно письмо летом 1942 года, в котором она писала: «Видела немецких шпионов, ловили мальчишки. Благодаря детям, они пойманы. Спрашивали дорогу в центр и на военные заводы. Всех бы их переловить. Победа за нами!» После снятия блокады мама с братом Павлом поехала в Ленинград искать сестру. Квартира была пуста. Соседи сказали, что Аня потеряла карточки. Это была верная смерть. Она ушла на работу и не вернулась. Дядя Павел стал собирать вещи, поднял скатерть, а под ней лежали карточки.

Анна Кальм 1903 г.р. занесена в Книгу Памяти города Санкт-Петербурга: ул. Достоевского, дом 19. Умерла в 1942 году. «Живые будьте достойны погибших».

От мамы пришло письмо: «...ехала пять дней. Из Вильно приехали в Пруссию, всё чужое — улицы, дома, надписи. Свои — это солдаты, офицеры, снующие то туда, то сюда. Изредка проводят стада пленных коров — трофеи, которые будут отныне служить победителям. Радуюсь от души, что сейчас испытывают немцы, которые почувствовали, что такое война. Становится обидно и досадно, что из-за них, проклятых Богом и людьми, приходится бросить всё, что дорого, топтать по Германии. Чтобы им никогда во веки веков не забыть своего вероломства. Скоро они почувствуют, что означает воевать со справедливыми, сильными духом... Окрестности Инстербурга красивые, говорят. Я болела, друзья приносили массу цветов. Одни говорили, что будем... другие, что поедem пить баварское пиво, а некоторые, более дальнзоркие, что направят за японскими вазами. Раз много теорий — нет истинного пути. Говорить о том, что

Добрый день, дорогие, мама, Аня, Рина!

Вчера	писала	вам	одно	письмо,	сегодня	пишю	на	письме	еще	другое.
Получила	сегодня	известие	в	госпитале	и	была	рад,	знаю	о	вашем
Вильно	госпитале	и	не	поправился.	Обстоятельства	мои	не	стали	так	важны
обстоятельства	зависшие	мои,	начала	сюда	из	Вильно	бегу.			
Писала	в	Пруссию	и	все	здесь	чужое,	улицы,	дома,	надписи	
на	домах	друга,	это	солдаты	и	офицеры	снующие	по		
городу	то	от	команды	на	руки	то	обратно,	да	изредка	
в	городу	прогоняют	стада	пленных	коров	—	трофеи	и		
которые	будут	служить	победителям.	Теперь	и	досадно				
было.	Радуюсь	от	души	тому,	что	сейчас	испытывают			
немцы,	которые	почувствовали	на	своей	коже,	что	такое			
война.	Становится	обидно	и	досадно,	когда	подумываю	что	из-за	них	
становится	обидно	и	досадно,	когда	подумываю	что	из-за	них		
проклятых	Богом	и	людьми	приходится	топтать	по	Германии,			
чтобы	им	никогда	во	веки	веков	не	забыть	своего	вероломства.	
Скоро	они	почувствуют,	что	означает	воевать	со	справедливыми,	сильными	духом...	
Окрестности	Инстербурга	красивые,	говорят.	Я	болела,	друзья	приносили	массу	цветов.	
Одни	говорили,	что	будем...	другие,	что	поедем	пить	баварское	пиво,	
а	некоторые,	более	дальнзоркие,	что	направят	за	японскими	вазами.		
Раз	много	теорий	—	нет	истинного	пути.	Говорить	о	том,	что

всего Вроцлава. И кажется, что мы наконец-то
 совсем мятые. Скоро они почувствуют еще больше, что
 им-то вояжи с нашими духом и спуском в Вильно.
 Да вот для нас со мной ничего не случилось — все
 конкретно. Зато думаю — будем ли мы дальше или
 будем ехать в нашу страну здесь. Конечно, это по возможности
 ехать здесь и приехать, в общем там будет. Но все же
 сейчас, когда придет рассказ будет что. Как там дела?
 Долго, очень долго не получу от вас писем — не уверена что
 на этот адрес письма получат, так. Да вот, наверное, скоро
 придет — вот и все наши, а вот очень много. А пока у нас
 и/и не предвидится. Интересно, что придет, когда придет. Нам
 на этот момент паровое письмо о моем пребывании
 от мамы до меня не пришла. Сейчас очень трудно и
 тяжело жить. Работа она пойдет на пользу
 по-прежнему. Ну вот пока и все. Удачи всем крепко
 люблю, мама

20/11/41

город не имеет целых домов — не стоит. Это ясно и так. Разрешили
 ходить в сопровождении автоматчиков. В Вильно офицеров топили
 в колодцах. В большом пустом доме, куда я зашла, было огромное
 зеркало, разбитое автоматами. Вдруг сзади молоденький немец. Он
 смотрит в зеркало и я. Подумала — убьёт. Стрелять не стал. Госпи-
 таль находится на центральной улице и я вижу в окно как проводят
 партии озирающихся пленных немцев и такая злоба в груди, что и
 сказать не могу, ведь они сделали несчастными миллионы людей,
 заставили меня бросить детей и топтать по их проклятой земле. И
 для того, чтобы сделать весь мир рабами и чего хотели, того и доби-
 лись сами. Много возвращается на родину литовцев, поляков, угнан-
 ных в Германию с ничтожным скарбом. Многим придётся распла-
 чиваться. Звон здешних колоколов тебе не понравится. Нет в них
 души как когда-то в звоне наших колоколов. Однотонные резкие
 звуки, которые раздражают. Встречаются среди них много молодых
 монашек. Кажется могли бы сделать добро, находясь в миру, во
 всяком случае больше, чем сейчас. Здесь много мужчин различного
 возраста. У нас мало — они на работе или в ... Целых домов немного.
 Развалины домов, трубы. Ежедневно пожары. Сказать, что весело

ходить по развалинам — не могу. Удовлетворяет, что наши воевали неплохо. А по вечерам ходить жутковато. А когда поднимается ветер, он свистит среди развалин, брэнчит ободранным железом, в ответ раскатываясь стучат камни. Наше учреждение между костёлом и монастырём православным, и там и там звенят колокола. Идет служба, много священников, ксёнзов, а по воскресениям монахи и монашки. Здесь всё чужое, люди чужие, разговорная речь, одежда этих людей. Когда услышишь родную речь — хотя бы простое твёрдое слово вроде «Колька», то сразу становится веселей. Давно от вас не имею сведений и поэтому беспокоюсь. После 20-го письма понемногу пойдут. Как чувствуете, как здоровье?»

А потом их отправили снова в Ленинград, все думали, что отпустят домой, но из вагонов не выпускали. Поезд шёл без остановки. Впервые остановились за Байкалом. Госпиталь развернули в Хабаровске. Мама видела пленных японцев. Те что-то грузили на баржи на Амуре. Поразилась как они работали. Мешки на плечи и бегом туда и обратно. Подумала: «Наверное, после войны будут жить хорошо». Там мама была недолго, 3-го января 1946 года с военными наградами вернулась домой. На войне пропал без вести брат Георгий, Аркадий вернулся из Новосибирска, где всю войну был начальником пожарной охраны. С фронта с наградами вернулись братья Александр и Павел.

После войны мама работала врачом-фтизиатром в противотуберкулёзном диспансере, занимала руководящие посты. Умерла 15 февраля 1990 года. На смену ей родился внук Костя. На протяжении всех лет семья Кальм честно служила Родине и сражалась за неё.

